

На душе у Гу Сяодуна воцарился странный покой.

Его состояние походило на сорвавшееся ведро, которое долго болталось в глубоком колодце. Он-то думал, что колодец полон воды и падение поднимет тучу брызг, а тот оказался сухим. Ведро просто рухнуло вниз. И к тому же уцелело — не разбилось и не погнулось, оказавшись на удивление прочным.

Лишь глухой, тяжелый стук ушел во тьму и еще долго отдавался протяжным эхом.

Каким бы простодушным он ни был, теперь невозможно было игнорировать очевидные знаки. Фэнъэнь и Фэнхуань уже вовсю обучали его тонкостям постельного искусства — и между мужчинами, и между мужчиной и женщиной. Сяодун не желал этого слушать, но заткнуть уши ему никто не позволял.

Его растили как дорогую игрушку для чужой постели. В эту эпоху власть, секс и похоть сплелись в неразрывный узел. В глазах его родных все выглядело просто: чем ближе он станет к сильным мира сего, тем больше влияния и богатства сумеет заполучить. А добытые крохи он обязан вернуть клану Гу, выплачивая долг семье.

Его вырастили, чтобы он торговал собственной красотой. И жаловаться было бессмысленно: старшая сестра уже прошла этот путь, таков уж закон здешних мест. Ему оставалось лишь смириться и выковать из себя удобное орудие для чужих нужд.

И теперь его собирались вручить второму принцу, Гао Минцяню.

Сяодун наконец понял, почему княгиня Ань Жои призвала его именно сейчас, когда слегла от недуга. Глядя на изможденную болезнью мать, он просто не мог злиться.

Он потянулся, чтобы подоткнуть край ее одеяла.

— Матушка, вам нужно отдыхать. Пусть лучше отец или вторая сестра поговорят со мной, хорошо? Вот если бы Цзиньюй был здесь... мы бы все вместе обсудили и решили.

— Все давно решено, — худая ладонь Ань Жои опустилась на его плечо. — Твой отец и сестра сейчас слишком заняты, так что моего слова вполне достаточно. И присутствие Цзиньюя ничего бы не изменило. Самое позднее — к празднику зимнего солнцестояния, а в лучшем случае — уже в следующем месяце тебя заберут. До тех пор ты поживешь в Западном саду процветания. Если возникнут вопросы — спрашивай, учись прилежно, шаг за шагом. Ты меня понял?

Гу Сяодун бережно перехватил ее ледяную руку, согревая в своих ладонях. Прошло немало времени, прежде чем он тихо спросил:

— Матушка... а как давно созрел этот план?

Ань Жои ответила уклончиво:

— Второй принц любит, когда его фавориты носят серьги в обоих ушах.

Сяодун оцепенел. В памяти всплыли дни, когда он только-только попал в дом Гу. Тогда Цзиньюй едва успел стать компаньоном по учебе наследной принцессы Гао Минши. Вскоре названный брат шепнул ему, что помолвка второй сестры, Гу Жухуэй, со вторым принцем Гао Минцянем расторгнута. Наследная принцесса приложила к этому руку, не желая, чтобы семья Гу сближалась с обоими наследниками сразу.

Почти сразу после этого ему и прокололи уши. Неужели, едва сорвался брак Жухуэй, они тут же решили заткнуть брешь безродным наложником?

На сердце Гу Сяодуна словно полоснули тупым ножом. Если все так, то эта паутина плелась слишком, слишком давно.

— Матушка, я не понимаю, — он нащупал ее слабый пульс и заглянул ей в глаза; недоумение сейчас заглушало боль. — Цзиньюй предан Восточному дворцу. Зачем вам одновременно заигрывать со вторым принцем? Эти две фракции ненавидят друг друга. Логичнее было бы сохранять нейтралитет. Но вы отправляете Цзиньюя к наследной принцессе, а меня или сестру подкладываете под второго принца. Зачем вести эту двойную игру?

Ань Жои разразилась сухим кашлем. Сяодун присел на край постели и стал мягко массировать ее акупунктурные точки. Дыхание женщины постепенно выравнилось. Она долго и пристально разглядывала сына, после чего опустила взор и тихо произнесла:

— Твой отец — верный слуга престола. Ради блага Поднебесной он мечтает усмирить северные границы, ради блага двора — готов избавить императорский род от терзаний.

Сяодун слушал молча, лишь изредка согласно кивая и легонько похлопывая матушку по спине, точно баюкал ребенка. В этот миг казалось, будто они поменялись ролями.

Ань Жои говорила неторопливо, пускаясь в излишние подробности, но он ловил каждое ее слово. Подобных разговоров по душам прежде почти не случалось, а в будущем не предвиделось вовсе. Он прилежно вникал в их великие замыслы и государственные нужды, стараясь не думать о собственной жалкой судьбе.

Из ее признаний вырисовывалась сложная картина. Семья Гу балансировала на лезвии бритвы между двумя фракциями. Восточный дворец поддерживали могущественные кланы Су и Юэ, а за спиной второго принца нерушимой стеной стояли кланы Гуань и Гэ. Если бы князь Гу Янь примкнул к кому-то одному, равновесие бы рухнуло, ввергнув страну в хаос. Нынешний

император, хоть и не был стар, стремительно слабел. Меньше всего он желал междоусобной войны своих детей за престол. И во всей Поднебесной лишь один человек — князь Чжэньбэй Гу Янь — мог выступить беспристрастным арбитром, способным удержать чаши весов в равновесии и сберечь покой правящей династии Гао.

Гу Янь мог позволить Цзиньюю проливать кровь за наследную принцессу Гао Минши, и в то же время готовить Гу Жухуэй в супруги второму принцу. В обмен на эту преданность император обещал позволить князю и наследному княжичу Гу Пинханю выступить в поход, чтобы усмирить северных Жун и вернуть под крыло империи всю область Ханьчжоу.

А сам Гу Сяодун... он был лишь легкой закуской к основному блюду. Очередным заложником, гарантирующим императору абсолютную покорность клана Гу.

— Твой отец тайно покаялся перед Его Величеством. Он чистосердечно признался, что вы с Цзиньюем поменялись именами.

Услышав это, Сяодун почувствовал, как в его застывшей, словно болотная жижа, душе наконец всколыхнулась волна тревоги.

— Но ведь это тягчайший грех обмана государя! За такое казнят весь род!

— Верно, — Ань Жои слабо вздохнула. — Но твой отец сознательно вручил императору этот поводок. Взамен государь даровал ему три золотые таблички освобождения от смерти. Теперь, кто бы ни взошел на трон — наследная принцесса или второй принц, — клан Гу уцелеет. Однако Его Величество велел сохранить все в тайне. Императорский дом в курсе, семья Гу в курсе, наказания за обман не последует. Мы лишь продолжим безропотно служить короне. Этого достаточно.

Волна волнения улеглась, и в душе Сяодуна вновь воцарилась мертвая тишина.

— Вот как.

Значит, он навсегда останется безродным племянником... Племянником, которого отдадут в наложники.

Ань Жои помолчала, вглядываясь в его бледное лицо.

— Шаньцин, неужели тебе больше нечего спросить?

Сяодун сжал ее тонкое, хрупкое запястье. Посидев так какое-то время, он тихо спросил:

— Матушка, а сколько лет было старшей сестре, когда ее отправили в Северные земли, чтобы

выдать замуж за чужака? Она была старше или младше меня нынешнего? Ее брак тоже был уступкой, которую император вытребовал у отца?

Лицо Ань Жои, едва успевшее порозоветь, мгновенно утратило всякие краски.

Гу Сяодун чутко улавливал малейшие перемены в ее состоянии. Он продолжал заботливо держать ее за руку, но спросил прямо, без обиняков:

— Вы ведь хотели узнать, есть ли во мне обида и злость? Скажу так: если бы со мной говорил отец, я бы бросился на него с кулаками. Пусть даже меня избили бы до полусмерти или заперли в темнице, я бы все равно проклинал его. Раз уж он такой великий патриот и верный слуга, пусть сам идет в наложницы к императорским детям! Но он подослал вас. Заставил говорить ту, что едва дышит от болезни. На вас у меня просто не поднимается рука.

— Матушка, а как же вы? Неужели вы не держите зла на него? Не ненавидите правящий дом?

— Каждый год в день гибели вашего клана вы ложитесь в постель от недуга. Императорский указ уничтожил семью Ань, лишил вас всего, оставив лишь младшего брата. Отец спас вас, но прошли годы, а пламя вашей ненависти так и не угасло. Вы делите ложе с человеком, который затыкает вам рот вместе с вашими палачами. Неужели ни разу в голову не приходила мысль... кто же он вам на самом деле — спаситель или враг?..

Договорить он не успел — Ань Жои резко оборвала его хлесткой пощечиной.

Сяодун даже не коснулся горячей щеки. Он лишь покорно склонил голову и прошептал:

— Простите. Я не хотел ранить вас. Мне просто нужно понять, как вы живете со всей этой любовью и ненавистью в сердце. Вашей душевной ране уже двадцать лет. Она гноится и копится внутри, и именно этот яд день за днем лишает вас жизненных сил.

Рука Ань Жои мелко дрожала. Миновала долгая минута, прежде чем она хрипло выдавила:

— Это у Су Миньи ты научился так ловко ухаживать за больными?

Сяодун растерянно моргнул, на миг погрузившись в оцепенение. Одно лишь упоминание этого имени всколыхнуло в его душе образ старшего молодого господина Су.

«Если бы Су Миньи прознал про умыслы клана Гу... Спас бы он меня? Попытался бы хоть что-то сделать?»

Бледные пальцы Ань Жои скользнули по его лицу, очерчивая наливающиеся багровые следы.

— Шаньцин, слушай меня внимательно. Мне нет дела до того, какие вольности вы позволяли себе со старшим молодым господином Су. Но когда ты окажешься во дворце второго принца, изволь вести себя благоразумно.

Глаза Сяодуна наполнились слезами, но он промолчал.

— И еще одно. Держись подальше от клана Гуань. Я не желаю видеть, как ты якшаешься с кем-то из них.

— Но почему? — тихо спросил он, шмыгнув покрасневшим носом.

Ань Жои до боли сжала его плечи и процедила сквозь зубы:

— Клан Ань вырезали, сослали на каторгу и заклеили позором из-за подлой клеветы клана Гуань! Я молчала об этом раньше, потому что ты был слишком мал и глуп. Но теперь ты взрослый и обязан твердо запомнить мои слова. Если я не увижу, как вырежут весь клан Гуань до последнего колена... я не упокоюсь даже в могиле.

В голове у Сяодуна поднялся невообразимый гул. Ярость и жажда мести, исходившие от матери, были настолько удушающими, что он оцепенел.

Но он никак не мог взять в толк: разве заклетыми врагами клана Ань был не клан Гэ?

Ведь Цзиньюй с самого начала твердил ему именно это!

Выйдя из покоев матери, Сяодун побрел по лестнице. На одной из ступеней у него подкосились колени, он покачнулся и едва не полетел кубарем вниз, но его вовремя подхватила под руку стоявшая неподалеку Гу Жухуэй.

И в этот миг пелена спала с его глаз.

Гу Цзиньюй лгал ему. С самого начала лгал.

Он нарочно велел ему сблизиться с Гуань Юньцзи. Каждая встреча с людьми из клана Гуань, о которой узнавала матушка, лишь сильнее разжигала ее ненависть и отвращение к собственному сыну.

Даже Цзиньюй использовал его как безмозглую куклу.

Сяодун наотрез отказался перебираться в Западный сад процветания. Вместо этого он вернулся в Восточный лесной сад и заперся в своей комнате во дворе учеников Академии

Широкого Благодеяния.

Люди клана Гу тут же взяли его под стражу. Переодетые простыми слугами, они плотным кольцом окружили флигель, не давая ему сделать и шага наружу.

И все же в стенах школы по-прежнему царили тишина и покой, словно бушующие снаружи политические бури обходили это место стороной.

Пока бьют в колокола — нужно молиться, пока числишься учеником — нужно учиться. Сяодун молча сидел за столом, обнимая подростка пса Сяо Пэя, и безучастно смотрел на разложенные перед ним медицинские трактаты.

Но даже сейчас он не мог выбросить из головы угасающий пульс матери. Он судорожно листал пожелтевшие страницы в тщетной надежде найти рецепт, способный спасти ее угасающее тело — это был его последний сыновний долг.

Время шло, а страница так и оставалась неперевернутой. Пригревшийся на коленях Сяо Пэй, точно почувствовав тяжесть хозяйской тоски, послушно поджал хвост и тихонько заскулил, заглядывая Сяодуну в лицо преданными влажными глазами.

Сяодун отчаянно хотел повидать Чжу Ми. Покинуть двор ему не позволяли, поэтому он отправил на поиски Фэнъэня и Фэнхуаня. Ему не терпелось схватить управляющего за шиворот и вытрясти из него всю правду о том, сколько тайн скрывал от него Гу Цзиньюй все эти годы. Но Чжу Ми как назло именно в эти дни перевели в другое место.

Он хотел узнать, где сейчас Чжан Дэнцин.

Хотел потребовать ответа у Цзиньюя. И даже подумывал извиниться перед Гэ Дунченем, которого прежде так упорно избегал.

Но он не мог даже перешагнуть порог собственной комнаты.

Спустя долгое время Сяодун тихонько потрепал пса по загривку. Тот издал короткий, звонкий лай — беззаботный и чистый, лишенный всяких тревог.

— Твой папаша — порядочная тварь, — прошептал Сяодун.